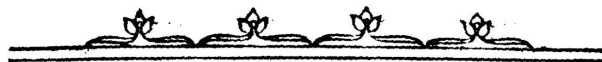

ПРЕБЫВАНИЕ БАХРАМА В ДЕНЬ ЧЕТВЕРГ
В САНДАЛОВОМ ПАВИЛЬОНЕ
И СКАЗЫВАНИЕ СКАЗКИ ДОЧЕРЬЮ ПАДИШАХА
ШЕСТОГО ПОЯСА ЗЕМЛИ

Четверг—хороший день, как луч зари,
На счастье посвященный Муштари.
И шах, чья цвет сандала, по желанью,
Надел сандаловые одеянья.
Покинув бирюзовый павильон,
В сандаловый пошел сегодня он.
Стал пить вино, под песен нежных звук,
Ковсара воду брал из нежных рук.
Он до ночи вкушал вино хмельное
И веселился в царственных покоях.
Когда же ночь из мускуса напала
На павильон с окраскою сандала,
Китайская княжна в одежде новой
Открыть решила ручеек медовый.
Сказала так: „Ты,—знает то аллах,—
Из падишахов высший падишах.
Пусть больше будет, чем песка в пустыне
И чем воды прозрачной в море синем,
Лет жизни шаху—счастлив будь всегда,
Сверкать пусть будет век твоя звезда!

Ты словно солнце, что дарует свет,
И каждый царь твоей душой согрет.
И, говоря, я мучаюсь порой
За мой язык нескладный и плохой.
И пред тобой я только жалкий тлен,
И стоит ли мне сыпать Сикахен,
Но раз для шаха мой рассказ—желанный,
И он для смеха пожелал шафрана,
Я разверну рассказ свой неумелый,
Чтоб речь Бахрама смехом зазвенела.
А может быть, рассказ, наоборот,
Понравится и в сердце западет“.
Царевня, кончив словословить шаха,
Приникла к царственной руке без страха.

СКАЗКА

Царевна молвила: „Однажды днем
Два друга покидали отчий дом.
Все нужное для подкрепления сил
В суме дорожной каждый уместил.
Один был Хейр, другого Шерром звали,
Их имена пророчески звучали.
Прошло три дня, и впереди—дорога.
Запасы пищи—было их немного—
Хейр не жалел, а Шерр приберегал.
Кто тихо сеял, кто посеял снимал.
Они достигли (рядом—пара плеч)
Пустыни, раскаленной, точно печь,
Где от жары мог испариться мозг,
Где таяло железо, словно воск.
Сухой земли никто любить не мог,
В самом здесь превращался ветерок.
Шерр знал давно—расчетливый, холодный,—
Что путь лежит пустынею безводной.
Бурдюк тайком наполнил он водой
И, словно перл, придерживал рукой.
А Хейр беспечно думал, что в пути
В колодцах воду сможет он найти.

В пустыню—горяча ее утроба—
Они поспешно устремились оба.
Семь дней прошло. Хейр без воды остался,
Шерр сохранил ее и улыбался.
И, поступив так низко и сурово,
Он спутнику не говорил ни слова.
Когда заметил Хейр, горя в истоме,
Что, воду скрывши в тайном водоеме,
По временам, с ухваткой воровской,
Шерр наслаждался, как вином, водой,
Губ прикусил запекшихся коралл,
Но горечи звоей не выдавал.
Томясь от жажды—взгляды он бросал
На воду Шерра, о воде мечтал.
Когда же печень высохла от горя,
Глаза свои сомкнул, с судьбой не споря.
Два огненных рубина он берег,
Но жажду блеск их утолить не мог.
Вода блестела, водоем был пуст.
Та влага для очей, а не для уст.
Рубины положил, кляня невзгоду,
Он пред песком, в себя впитавшим воду.
„О, смилуйся,—он друга попросил,—
Глотком воды пожар мой погаси,
Один глоток великодушно дай,
Иль влагу ту, как лакомство, продай!
Рубины ценные себе возьми,
Но впавшего в несчастье не томи“.
А Шерр—да будег божий гнев на нем!
Себя в ответе показал своим.
„Из камня, друг, воды не выжимай,
Не обольщайся и не обольщай.
Ты хочешь здесь рубины мне отдать,
Чтоб в людном городе обратно взять.
Не обмануть меня. Скажу правдиво,
В искусстве лжи я сам хитрее дива,
И раз на то пошло, твои уловки
В прах обратятся от моей сноровки.

Сто тысяч хитростей проделал я,
Играй же честно, правды не тая.
Я не кочу, чтоб, утоливши жажду,
Меня в пути ты осмел бы дважды.
Ведь нет свидетелей в песках пустынных—
И в городе отнимешь ты рубины.
Лишь те алмазы соглашусь я взять,
Которых ты не сможешь отобрать“.—
„О ищущий сверкающих камней,—
Ответил Хейр,—их назови скорей“.
„Два глаза—вот два камня драгоценных,—
Ответил Шерр,—нет более священных.
За блеск воды продай мне блеск очей
Иль отвори их от воды моей“.—
„О, божьего побойся наказанья!
За воду просишь ты огонь страданья.
О, за один глоток—душа скорбит—
Ужель глаза мне вырвать из орбит!
Но если я лишусь своих очей,
Что пользы мне от тысячи ключей?
Нет, влагу глаз за влагу не отдам,
Ты обрати взор свой к другим дарам.
Возьми все то, что при себе имею,
И сверх того я отплатить сумею.
Тебе клянусь святым пророком я:
Останусь другом, сделки не кляня!
Не будь холодным, как воды ладонь,
И глаз моих единственных не тронь“.
„В устах, томимых жаждой, это—басни,—
Промолвил Шерр,—одна другой прекрасней.
Мне драгоценный не за чем запас,
Хочу твоих невыплаканных глаз“.
Хейр, потрясенный, как в огне горя,
Ручьем лил слезы, на ручей смотря.
От долгой жажды путник изнемог
И муки этой вынести не мог.
Жар сердца захотел залить водою,
Спасть от изнуряющего зноя.

Сказал он: „Встань и острый меч возьми,
Но жаждущего больше не томи.
И пламень глаз, что так тебе знаком,
Ты загаси студеным родником“.
Но тайная надежда в нем жила,
Что, покорившись, избежит он зла.
Но Шерр проворно вынул свой кинжал,
Как ветер, к жаждущему подбежал.
Вонзил кинжал в светильники двух глаз,
Не пожалев, что свет для них погас.
Окрасил меч в цвет розы тот нарцисс,
И две жемчужины скатились вниз.
Так, загубив глаза, гонец беды
Собрался в путь, не дав ему воды.
Все ценности его забрал с собой,
Среди песков оставлен был слепой.
Лишь понял Хейр, что с ним произошло,
Забыл не свете все—добро и зло.
И по земле катался он, в обиде—
И, к счастью, самого себя не видел.
Был некий курд в округе той земли,
Стада держал он от волков вдали.
Скотом разнообразным он владел,
Никто таких животных не имел.
С ним—семь иль восемь родственных семей,
Он был богат, они—куда бедней.
Курд—житель тех степей и странник гор,
Как жители пустыни, с давних пор,
За свежим кормом отравлялся сам,
Стада перегоняя по степям.
Там, где траву и ручеек встречал,
Недели на две делал он привал.
Когда же корм кончался, то тогда
В другую сторону он гнал стада.
И в эти дни (корм съеден был не весь)
Курд, словно лев, расправил когти здесь.
У курда дочь—в сияньи тюркских глаз,
С индийской родинкой, пленившей нас.

Как кипарис, заботливой рукой
Взлелеянный, сверкала красотой.
С косою толщиной в канат, она
Была красива, как сама луна.
А локоны—фиалок всех нежней,
По цвету—ворона крыла черней.
И взгляд коварных глаз к блаженству влек
И обольщал куда верней, чем рок.
Чар вавилонских было столько в ней—
Что все мирились с участью своей.
От родинки ночь мускус обрела,
От глаз красавицы—луна светла.
Фисташек треснувший и спелый плод
Смеющийся напоминает рот.
Вот вышла из шатра сама луна—
Как рыба, жаждала воды она,
Путь к водоему долог—курды знали:
Для стойбища оттуда воду брали.
Она наполнила кувшин водой,
Чтоб отнести скорей его домой,
Как вдруг услышала глухие стоны.
Стонал страдалец, Шерром ослепленный.
Услышав стон, она пошла на стон—
Там юноша в крови, в пыли, сражен.
Он содрогался от щемящей боли,
В смирении взывал он к божьей воле.
В испуге сердце девушки забилося.
Она над распростертым наклонилась.
„О, горе,—молвила,—кто ты такой,
Весь окровавленный, в пыли сухой?
Кто так коварно с юностью твоей
Мог поступить, ответь мне поскорей“.
Хейр отвечал: „О жительница рая,
Ты пери или ангел, я не знаю.
Мне горечь испытания дана,
История моя сложна, длинна.
Коль не умру от жажды в эту ночь,
Ты сделай все, чтоб страннику помочь.

Коль нет воды—уйди. Знай, умер я,
А если есть—жизнь спасена моя“.
И сладкоустый кравчий—ключ спасенья—
Водой целебной облегчил мученья.
Он, наконец, смог жажду утолить
И выпил столько, сколько мог испить.
И ожила увядшая душа.
А девушка, от счастья чуть дыша,
Глаза, что кровью алою омыты,
Вложила, богу помолясь, в орбиты.
Хотя белок был исцарапан, хил,
Глазного яблока никто не повредил.
Заметила прекрасная невеста,
Что он уже подняться может с места.
Жир на его глазницы наложила,
Взяв за руку, подняться пособила.
И стала вожаком ему Луна,
И вывела его на путь она,
До места, где кочевье было их.
Шел ослепленный с нею, нем и тих.
Слуге, что шел навстречу к ней с поклоном,
На попеченье отдан ослепленный.
Она сказали: „С ловкостью твоей
Ты доведи скитальца до дверей“.
Сама же тотчас к матери пошла
И рассказала ей все, что могла.
Мать, выслушав, ответила с тоской:
„Что ж ты не привела его с собой?
Нашли б мы средство при большом стараньи,
Чтоб облегчить несчастному страданье.“ —
„Я не оставила его в пути.
И если жив, он должен подойти“.
Слуга, который вел его домой,
Пришел, скитальца привел с собой.
И Хейру тотчас уступили место,
Похлебки дали, лакомства из теста.
Несчастный путник глубоко вздохнул,
Поел немного и тотчас уснул...

Курд из степи, придя к себе домой,
Чтоб пищей убавить голод свой,
Увидел то, что раньше не видал,
От этого он раздраженным стал.
Узрел он раненого здесь, в тиши,
В нем не было и признака души.
Спросил домашних: „Это кто такой
Лежит недвижно, раненый, больной?“
Но то, что странник прежде испытал,
Никто из них, как следует, не знал.
И ограничились они рассказом
Как он был его пронзен алмазом.
Когда же курд увидел, изумленный,
Что перед ним был зрения лишенный,
„Есть дерево, я укажу все нити,—
Сказал он,—листья вы с него сорвите.
Их надо раздавить и сок собрать,
И соком этим рану натирать.
Готовьте пластырь, не напрасен труд.
И очи снова зренье обретут.
Хоть тяжко повреждение орбит,
Сок этих листьев чудо совершит“.
Путь к дереву потом он объяснил.
„Вблизи от водоема,—говорил,—
Растет то дерево, блестя как воск,
И запах листьев освежает мозг.
Ствол раздвоился в листовном убранстве.
И между ними целое пространство.
Одни из листьев, убивая вред,
Глазам потухшим возвращают свет,
Другие же, живой воды могучей,
Больных излечивают от падучей“.
Как только дочь услыхала об этом,
То обратилась к курду за советом.
Она его замучила мольбой,
Чтоб он из листьев сделал ей настой.

Отец мольбам ее упорным вял,
Собрался в путь и с дерева сорвал
Горсть нужных листьев, их рукой растер.
Те листья—знал он—оживляют взор.
Пришел, принес. Красавица вяла.
Пока весь сок не вышел, их толкла.
И, отцедив, чтоб не было осадка,
Глаза ему омыла. Шло все гладко.
Лекарство наложила, завязала
Глаза, но легче бедному не стало.
И к богу обратив свой взор с любовью,
Он голову склонил на изголовье.
С повязкой на глазах лежал больной
И постепенно действовал настой.
На пятый день—как сладок этот час—
Повязку сняли с поврежденных глаз.
Он—чудо—зрячим стал. Хвала надежде,
Глаза такие же, как были прежде.
Они раскрылись в радостной игре,
Как два нарцисса нежных на заре.
Он курдов восхвалял всем существом,
Без них он был бы мельничным быком.
Курдянки не могли не веселиться,
Сердца открыли, но закрыли лица.
Забота о больном любовь вселила,
И юношу дочь курда полюбила.
Когда ж у девственного кипариса
Глаза раскрылись, точно два нарцисса,
Она его с особенною силой
За красоту и доблесть полюбила.
Счастливый Хейр, узревший солнце вновь,
Ответил также на ее любовь.
Хотя не видел он ее лица—
Походкой любовался без конца.
Он упивался сладостною речью,
Ее заботу чувствовал при встрече.
Он сердцем чистым привязался к ней,
Она—к нему. Счастливей нет людей.

Он подымался рано, с петухами.
Пренебрегать он не хотел делами.
И видел курд, за ним следя в раздумье,
Что проявляет Хейр благоразумье,
Стада оберегает от волков
И что всегда к услугам он готов.
Курд, как кочевник, был трудолюбив,
Помощника такого получив,
Ему доверил вскоре всей душой
Имущество и дом обширный свой.
Когда привыкли к Хейру, стали дома
Расспрашивать о жизни незнакомой,
Кто глаз его лишил, возивз кинжал,
И от кого он горе испытал.
Не скрыл от них он случай с Шерром низким,
Поведал обо всем как самым близким,
О камнях и о купленной воде,
О дикой жажде и лихой беде.
Закончил тем, как вероломный Шерр,
Коварству мира показал пример—
Алмазы глаз кинжалом пронизал
И, жаждущего бросив, ускакал.
Кочевник-курд, услышав эту повесть,
Склонился ниц, подумав: „Где же совесть?“
Вознес хвалу, что ураган песка
Пронесся мимо этого цветка
И юношу, что с ангелом был схож,
Не погубил исчадь ада—нож.
И Хейр стал именитее с тех пор,
Чем имя собственное, нежил взор
Он всей семьи и девушки прекрасной,
Она ему служила ежечасно.
Лицо свое закрыв, за ним ходила,
Водой поила, а любовь таила.
Весь жар души, спасенной чудом ею,
Он ей же возвратил, любовь лелея.
И этот дивный перл благословая,
Трудился он, стада оберегая.